

К вопросу о культурно-юридическом взаимодействии Сасанидского Ирана и Восточной Римской империи

DOI 10.31483/r-85931
УДК 3394.912:930.85:321.61

Мельник В.М.

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,
Киев, Украина.

<https://orcid.org/0000-0001-5640-0351>, e-mail: melnyk1996ethnology@gmail.com

Резюме: На примере царской титулатуры автор доказывает наличие глубинной мировоззренческой основы в римско-персидской политico-правовой комплиментарности времён поздней античности. *Методы.* Автором использованы «панорамный подход» (по Л.Н. Гумилёву), сравнительный анализ исторических первоисточников и структурно-функциональный метод. *Результаты.* Авторское внимание посвящено античной общности в юридическом содержании императорских титулов, соотношению временного и пространственного понимания власти римских императоров и власти персидских шахиншахов. Выдвигаются: 1) положение об эллинизации Персии во времена Хосрова Ануширвана; 2) тезис о принципе экстерриториальности императорской власти, сформулированный римлянами в эпоху домината и транслированный из Восточной Римской империи в Сасанидский Эраншахр; 3) авторская дефиниция имперской формы государственного правления, базирующаяся на общем для Ирана и Византии принципе «сверхсouverенности». Для дальнейшего обсуждения сформулирован вывод об этнокультурной комплиментарности византийцев (восточных римлян) и персов (иранцев), проявившейся в широком многообразии культурных заимствований. Во-первых, пространства Эраншахра и Римской империи считались античными интеллектуалами «единым наследием» эллинистического Азиатского царства Александра Македонского. Во-вторых, корни и смысловое наполнение титулатуры высших суверенов Персии и Рима (императоров) имеют общие культурно-политические корни и военно-административные предпосылки. В-третьих, если на начальном этапе взаимодействия персов и римлян, в эпоху домината (конец III в. н. э.), имело место сильное влияние Персии на обыденную жизнь населения восточноримских провинций, то уже в VI веке восточноримский этнокультурный паттерн «Христианской Ойкумены» стал определяющим в подвластной Сасанидам Месопотамии.

Ключевые слова: Сасаниды, Эраншахр, Ахемениды, Персия, шахиншах, царь царей, империя как тип государственного устройства, юридическая сущность императорской власти, Восточная Римская империя (Византия), Христианская Ойкумена.

Для цитирования: Мельник В.М. К вопросу о культурно-юридическом взаимодействии Сасанидского Ирана и Восточной Римской империи // Этническая культура. – 2020. – № 4 (5). – С. 33-38. DOI:10.31483/r-85931.

On the Question Legal and Cultural Interaction Between the Sasanian Iran and the Eastern Roman Empire

Viktor M. Melnyk

Taras Shevchenko National University of Kyiv,
Kyiv, Ukraine

<https://orcid.org/0000-0001-5640-0351>, e-mail: melnyk1996ethnology@gmail.com

Abstract: In the article, the author defines the concept of ethno-cultural competence of a teacher, his or her ability to organize a diThe purpose of the article is to prove the presence of a deep (archaic) ideological foundation in the Roman-Persian political and legal complementarity of the times of late antiquity. Methods. The author uses the «panoramic approach», comparative analysis of primary historical sources and the structural-functional method. Results. The author's attention is devoted to the antique community in the legal content of imperial titles, the correlation of temporary and spatial understanding of the power of the Roman emperors and the power of the Persian Šâhanšâh's. The main author's thesis: 1) the provision on the Hellenization of Persia during the time of Khosrow Anushirvan; 2) the thesis on the principle of extraterritoriality of imperial power, formulated by the Romans in the era of dominatus and transferred from the Eastern Roman Empire into the Sasanian Eranshahr; 3) the author's definition of the imperial form of government, based on the principle of «over-souverignty» common to Iran and Byzantium. Discussion. Firstly, the spaces of Eranshahr and the Roman Empire were considered by ancient intellectuals as the «common heritage» of the Hellenistic Asian kingdom of Alexander the Great. Secondly, the roots and semantic content of the titles of the higher sovereigns of Persia and Rome (emperors) had common cultural and political origins and military-administrative premises. Thirdly, if at the initial stage of the interaction between the Persians and the Romans there was a strong influence of Persia on the everyday life of the population of the East Roman provinces, then in the 6th century the East Roman ethnocultural pattern «Christian Oecumene» became decisive in the Sasanian Mesopotamia.

Keywords: Sasanian Empire, Ērānshahr, Achaemenid Empire, Persia, Šâhanšâh, King of Kings, Empire as a Type of State System, Legal Essence of Imperial Power, Eastern Roman Empire (Byzantium), Christian Oecumene.

For citation: Melnik V.M. (2020). On the Question Legal and Cultural Interaction Between the Sasanian Iran and the Eastern Roman Empire. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(5), 33-38. (In Russ.) DOI:10.31483/r-85931.

1. Введение

Нельзя исследовать историю Рима и Константинополя, включая всё Средневековье целиком, без качественного разбора и комплексного понимания системы римско-иранских взаимоотношений

[9, с. 163–167]. Тем более что отголоски данной системы донесли до наших дней уникальный фонд международно-правовых соглашений и юридической договорной базы [6].

В эпоху поздней античности Новоперсидское царство (Иран) управлялось влиятельной царской династией Сасанидов (с 224-го года нашей эры). Самы иранские историки называют Новоперсидское царство (224–655 гг.) не иначе как империей или вселенским царством, что свидетельствует о наличии у сасанидских правителей амбиций править Ойкуменой (аналогичных и тождественных амбициям восточноримских императоров), получивших в публичном обиходе самые изысканные юридические формулировки [23, pp. 113–139].

Так, на новоперсидском и древнеперсидском языках, титул «шаханшах», транслитерированный в современной литературе чаще как «шахиншах» (на арабско-еврейский лингвистический манер), обозначает словосочетание «царь царей» или же «верховный царь» – тот, кто является высшим царём среди других титулованных царей [10].

2. Методы

Для написания данного очерка использован «панорамный подход», позволяющий синтезировать метод исторического хроноскопа с методологией эмпирического обобщения (по Л.Н. Гумилеву, Л.И. Мечникову). Широко применялись сравнительный анализ исторических первоисточников (по Н.В. Пигулевской, Г.Л. Курбатову, З.В. Удальцовой, В.И. Уколовой) и структурно-функциональный метод историко-правовой хронографии (по Э. Дюркгейму, Б. Малиновскому, Т. Парсонсу, И.С. Перетерскому).

Панорамная методика впервые была предложена Л.Н. Гумилёвым (1912–1992) в монографии «Поиски вымышленного царства» (1970). Её смысл зиждется на формуле «Чем больше мы расширим нашу цель в пространстве и времени, тем легче мы в неё попадем». Следовательно, для доказательства комплементарности греко-римской и персидской цивилизаций в эпоху поздней античности, необходимо использовать принцип панорамного расширения предмета исследования. Соответственно, в результативной части данного очерка, особое внимание посвящено античной общности в юридическом содержании императорских титулов, соотношению временного и пространственного понимания власти римских императоров и власти персидских шахиншахов. История юридических формулировок рассматривается на фоне широкого комплекса фактов цивилизационной истории. В частности, учитывая особенности методологии эмпирического обобщения, делается постоянный упор на ретроспективное изложение аналогий цивилизационного развития ахеменидских и сасанидских времен, республиканской и имперско-доминантной эпох Древнего Рима.

3. Результаты

Сам по себе иранский титул «шаханшах», как и римский титул «император», происходит от древней военно-демократической традиции, когда племена Иранского нагорья (Персии) имели многих вождей («царей»), но во время войны все они объединялись вокруг фигуры самого сильного военного стратега, становившегося их командиром и, следовательно, «царём

царей» [14, p. 112]. Как и в Древнем Риме (VII–I вв. до н. э.), где «император» являлся лишь временной республиканской должностью диктатора (облечённого властью в моменты войны с чуждым политическим образованием или в период варварского бунта), обязанным сложить полномочия перед сенатом после окончания боевых действий (яркий пример такого «императорства» – командование Гая Юлия Цезаря галльскими легионами в середине I в. до н. э. [17, pp. 456–473]), иранский «шаханшах» когда-то был только временным военным стратегом, полководцем. Так обстояло дело вплоть до захвата власти Киром II Великим из династии Ахеменидов, сконцентрировавшим в своих руках управление персидскими племенами, формально подчиненными Мидийскому царству. В 558 г. до н. э. Кир стал вождем персов, а в 550 г. до н. э. шаханшахом персов и мидян [11].

Кир II Великий, в течение своего правления (558–529 гг. до н. э.) не только подчинил могущественные библейско-месопотамские страны (Мидию, Персиду, Элам, Вавилонию), но также завоевал обширные пространства на востоке – Парфию, Сагартию, Арейю, Гирканию, Маргиану, Хорезм, Бактрию, Гандхару, Саттагидию, Гедросию, всю долину реки Инд. Многие страны подчинились Киру на западе – Армения, Каппадокия, Киликия, Лидия, Египет и даже Ливия. Вавилонский вариант полной титулатуры Кира, найденный во время раскопок Вавилона в 1879 г., звучит так: «Я – Кир, царь царей, царь великий, царь могучий, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырёх стран света» [7, с. 25].

Завоевания наследников Кира, царей Камбиза (529–522 гг. до н. э.) и Дария I Великого (522–486 гг. до н. э.), укрепили мощную систему государственного управления, заимствованную посредством мидийских законов у ассирийских предшественников [13, pp. 159–179], являвшихся, согласно вавилонской письменной традиции, основателями первого имперского режима осуществления власти – первыми в истории «царями царей» [16].

Соответственно, как и в позднейшем Императорском Риме, персы в эпоху правления династии Ахеменидов (558–330 гг. до н. э.) признавали: сущность власти «царя царей» состоит в «управлении другими царями» [16]. То есть империя (в персидском языке – шахиншахство, царство над царствами, или же – сверхсouverенная совокупность царств) считалась формой государственного управления, персонифицирующей множество политически самостоятельных царств в личности юридически сверхполномочного международного правителя – императора (он же – царь царей, он же – шахиншах) [20, pp. 354–384].

Учитывая аналогию наполнения власти персидского «царя царей», не должно оставаться больше никаких сомнений в том, что главная юридическая сущность власти римских императоров состояла в праве считаться высшими руководителями и судьями по отношению к другим правителям, называемым в латинском языке «рексами» [18, p. 139] (на славянский и германский манер – «королями»).

В эпоху домината (284–480 гг.), установленного императором Диоклетианом (284–305) и развитого христианизатором Римской империи Константином Святым (306–337), основным инструментом осуществления императорского права назначения правителей для народов и стран, признающих его высший суверенитет, стала юридическая формула *lex foedus* [19]. Целые народы, в лице своих рексов, становились личными федератами и, соответственно, имперскими подданными. В основе власти римского императора эпохи домината (в восточноримском случае целесообразно утверждать, что этот период домината органически развивался и совершенствовался вплоть до падения Константинополя под ударами турок-османов 29 мая 1453 года), независимо от формы и структуры государственного устройства, лежал произведённый на свет христианским ортодоксальным богословием принцип экстерриториальности [8, с. 22; 26; 30–31].

Заметим, что сегодня экстерриториальную власть, базирующуюся на традициях единства и юридической сущности Римской империи как «Христианской Ойкумены», продолжает осуществлять Римский Патриархат, как действующий публично-правовой институт римского права, персонифицированный посредством абсолютной теократической монархии Папы Римского – главы Римско-католической церкви и суверенного правителя Города-Государства Ватикан, именуемого в дипломатической документации словосочетанием «Святой Престол» [4, с. 85–99].

Важнее, однако, что в IV–VI веках нашей эры этот принцип, доктринализированный во времена римских императоров-доминусов Диоклетиана (284–305) и Константина Святого (306–337), нашел также масштабную поддержку в странах Азии [15], являвшихся партнерами Императорского Рима по взаимовыгодной торговле и непрерывной культурной коммуникации (роль Великого Шелкового пути всегда была громадной!) [3, с. 44–46].

Экстерриториальность как юридическая сущность власти императоров, не обязывавшая верховных правителей, претендующих на вселенскую власть, ограничивавшаяся административными рамками управления подчиненными провинциями, предоставляла постоянную возможность оправдывать новые военные вторжения, экспансионистские устремления или переманивать в свои пределы целые народы из соседних стран [2, с. 44–46].

Экстерриториальность признавалась и принималась «цивилизованным сообществом» как общепринятая практика международных отношений (существовал аналог власти римского императора в экстерриториальной титулатуре шахиншаха Персии, а также подобия в царских юрисдикционных полномочиях правителей Китая и Индии). Очень важно, что эта практика была согласована единственными в мире взаимно правосубъектными (равными друг другу) государственными организмами – Римской империей, Новоперсидским царством Ирана (Эраншахром), раздробленно-дуалистическим и, позднее, Суйским и Танским Китаем, Государством Гупта в Индии [5, с. 74–75].

Учреждение государственного режима домината римлянином Диоклетианом в конце III в. н. э. почти совпало по времени с укреплением абсолютной власти его иранскими современниками [25, pp. 313–360].

Семьсот лет спустя после драматического краха династии Ахеменидов, Новоперсидское царство Ирана (Эраншахр) создал основатель новой Сасанидской династии по имени Ардашир Папакан (224–241 гг.). Он разгромил правившую доселе в Персии Парфянскую династию (250 г. до н. э. – 226 г. н. э.) и в 226-м году короновался «царем царей и четырех стран света» в парфянской столице – городе Ктесифон, расположенным на реке Тигр [24, р. 93].

Вместе со старой парфянской столицей, новый персидский сверхсуворен получил в наследство также и нескончаемую череду римско-персидских вооруженных конфликтов [9, с. 163–167]. Главными детерминантами конфликтов были извечные взаимные претензии на владение всей Месопотамией (включая Нисибис, Ктесифон и Вавилон), Ассирией, Аравийским полуостровом, а также постоянные попытки обеих империй установить сюзеренитет над южноаравийским Йеменом и, соответственно, Аксумской Эфиопией. Все эти взаимные территориальные поползновения лишь усилились после Эдикта императора Феодосия (395 г.) о разделе Римской империи на Западную и Восточную части, де-юре сохранившим традиционную античную государственную структуру посредством применения правовой формулы «два императора – одно государство». В то же время, Сасаниды проводили политику геноцида относительно свободолюбивых армян и стравливали их с ассирийцами. Иран Сасанидов, как и Парфянское государство, официально претендовал на все территориальные утраты древнего Персидского царства Ахеменидов, понесённые вследствие завоевания Александром Македонским ещё в 330 г. до н. э. [1, с. 11]. Нужно помнить, что с самого момента начала существования Римской империи в 27 г. до н. э., Риму нужно было прикладывать много усилий для защиты всех азиатских провинций и даже Египта от персидской угрозы.

К примеру, перемирие между Восточной частью Римской империи и Эраншахром, установленное во времена правления императора Феодосия II Законодателя (408–450) и шахиншаха Йездигерда II (439–457), было заключено после возобновления традиционного римского статус-кво в Армении. Армяне всегда считались естественными союзниками Рима, защищаясь от физического уничтожения, периодически угрожавшего им со стороны персов и ассирийцев. Кроме того, Армения, вплоть до конца V века, была всегда полезна Римской империи как идейно-политический оплотmonoфизитского христианства. Отметим, что влияние христианства в пределах персидского пограничья было настолько велико, особенно после его легализации императором Константином Святым в 313 г., что во второй половине V века персы вынужденно признали все формы христианства в своей стране [12, р. 263]. Этому особенно способствовало перемирие 441 г., когда главной угрозой «царями царей»

(Феодосием II Византийским и Йездигердом II Иранским) были признаны кочевники-гунны.

Если римляне в конце концов вступили в смертельную схватку с признанным ими же самими в 449 г. Гуннским конфедеративным союзом Аттилы (434–453), то персы оказались под угрозой полного завоевания «белыми гуннами» (так византийский историк Прокопий Кесарийский называл племена гуннов-эфталитов [21, Procop. ВР, I, 3]). И если европейские гунны Аттилы исчезли с этнополитической карты пограничных римских территорий после жуткой резни, учинённой гепидами и остготами (восточноримскими федератами) в Паннонии в 454–455 гг., то гунны-эфталиты, в то же самое время сумели упрочить положение, завоевав к 500 г. треть территории Сасанидского Ирана на востоке. В частности, эфталиты контролировали акваторию Каспийского моря, систематически совершая успешные походы вглубь Индии и Персии.

Так или иначе, римский вопрос (в военно-политическом смысле!) стал для персов второстепенным на целое столетие, вплоть до крушения эфталитской орды под совместными ударами союзных друг другу тюрков, иранцев и индусов в 560–570-х гг. В 566 году шахиншах Хосров I Ануширван (531–579) санкционировал раздел земель гуннов-эфталитов со своими северо-восточными союзниками (турками), воссоединив с историческим Ираном все древнеперсидские земли до берегов реки Амудары [22].

4. Обсуждение

Почему же понимание римско-персидского взаимодействия настолько важно, в контексте изучения этнокультурных процессов среди народов Евразии V–VI вв. н. э.?

Не только лишь потому, что Иран испокон веков являлся врагом Рима – и старого (на Тибре), и нового (на Босфоре). Как мы уже видим из характеристики титулов римского императора и персидского шахиншаха (царя царей) – существовало очень много общего между дву-

мя великими империями, особенно в культурно-цивилизационном измерении. Оба государства располагали амбициями невиданного доселе масштаба и одновременно претендовали на территории друг друга, составлявшие не менее трети их стран. Персия являлась тем первым культурным фронтом, где византийская христианская культура, несмотря на частые военные поражения в стычках и пограничных конфликтах тактического значения, сумела победить стратегически. Отставив в сторону постоянные боевые действия между римлянами и персами, не будет преувеличением сказать, что во второй половине VI века Византия (Восточная часть Римской империи) уже почти приняла культурную капитуляцию династии Сасанидов [9, с. 249].

Кроме того, в Иране византийцы впервые столкнулись с тюркскими племенами – изначальными со-общниками Сасанидов, а также индусов, в деле противостояния гуннам-эфталитам. Вместе с эфталитами, восточные римляне определяли ход истории Персии в V и VI веках. Именно византийцы и эфталиты, сами того не желая и не осознавая, создали общий культурный фон на территории Сасанидского Ирана. И если эфталиты способствовали формированию глубокой пропасти в этнокультурном развитии отдельных персидских субэтносов, нацеливали персов современных Таджикистана и Афганистана в сторону культурной миксации хуннского номадизма и цивилизационного наследия плодотворной долины Инда, то восточные римляне (византийцы) совершили вторую, после похода Александра Македонского в 330 г. до н. э., мирную по своему внутреннему содержанию, эллинизацию Персии.

Итак, можно смело утверждать, что в период между 500-м и 600-м годами нашей эры культурное влияние Восточной Римской империи на землях Сасанидского Ирана многоократно превысило и сделало почти невидимым культурное влияние, оказываемое Сасанидским Ираном на Восточную Римскую империю.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. От берегов Босфора до берегов Евфрата: литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии н. э. От берегов Босфора до берегов Евфрата / С.С. Аверинцев. – М.: Наука, 1987. – С. 5–52.
2. Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли / Г.Л. Курбатов. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. – 272 с.
3. Мамлеева Л.А. Становление Великого шелкового пути в системе трансцивилизационного взаимодействия народов Евразии / Л.А. Мамлеева // *Vita Antiqua*. – 1999. – №2. – С. 53–61.
4. Мельник В.М. Еволюція міжнародно-правового статусу Ватикану: історія, сьогодення, українські акценти / В.М. Мельник. – Вінниця: Меркюрій-Поділля, 2017. – 192 с.
5. Мельник В.М. Смена эпох: очерк формирования римско-византийской доктрины международного права (III–VI века) / В.М. Мельник // Аннали юридичНОї історії. – 2018. – Том 2, №1–2. – С. 63–108.
6. Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI–VII вв. / Н.В. Пигулевская // Труды Института востоковедения. Т. XLVI / отв. ред. акад. В.В. Струве. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1946. – 291 с.
7. Потемкин В.П. История дипломатии. Том 1: С древнейших времен до нового времени / В.П. Потемкин. – М.: Директ-Медиа, 2015. – 543 с.
8. Уколова В.И. Империя как «смысл» исторического пространства: попытка политологического анализа, обращенная к прошлому. Власть, общество, индивид в средневековой Европе / В.И. Уколова. – М.: Наука, 2008. – С. 20–34.
9. Хизер П. Восстановление Римской империи. Реформаторы Церкви и претенденты на власть / П. Хизер. – М.: Центрполиграф, 2015. – 575 с.
10. Burke Inlow Edgar. Shahanshah: A Study of the Monarchy of Iran. Delhi, India: Motilal BanarsiDass, 1979. XXI+280 pp.

11. Dandamaev M.A. A political history of the Achaemenid empire. Transl. into English by W. J. Vogelsang. Leiden: E. J. Brill, 1989. XV+373 pp.
12. Dickens Mark. Echoes of a Forgotten Presence: Reconstructing the History of the Church of the East in Central Asia. Wien: LitVerlag, 2019. 384 pp.
13. Johandi A. Mesopotamian Influences on the Old Persian Royal Ideology and Religion: The Example of Achaemenid Royal Inscriptions. Estonian National Defence College Proceedings. 2012. Vol. 16. Pp. 159–179.
14. Handy Lowell K. Among the Host of Heaven: The Syro-Palestinian Pantheon as Bureaucracy. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 1994. XVIII+218 pp.
15. Hansen Valerie. The Silk Road: A New History. New-York: Oxford University Press, 2012. 320 p.
16. Herzfeld Ernest E. Iran in the Ancient East. New York, Oxford University Press, 1941. XII+363 pp.
17. Leme Andre Luiz. The biography of Julio Cesar and the risks of the absolute power: Suetonio and the Roman policy in times of Hadrian (II century AD). Aedos-Revista do Corpo Discente do Programa de Pos-Graduacao em Historia da UFRGS. 2017. Vol. 9. Issue 21. Pp. 456–473.
18. Lesaffer Randall. European Legal History: A Cultural and Political Perspective. New-York: Cambridge University Press, 2012. IX+549 pp.
19. Lot F. Les invasions germaniques. La pénétration mutuelle du monde barbare et du monde romain. Paris: Payot, 1945. 334 p.
20. Mauntel C. The «Emperor of Persia»: «Empire» as a Means of Describing and Structuring the World. The Medieval History Journal. 2017. Vol. 20. Issue 2. Pp. 354–384.
21. Prokopios. The Wars of Justinian. Trans. by H. B. Dewing, revised by A. Kaldellis. Hackett Publishing Company, Inc., 2014. 642 p.
22. Sauer Eberhard. Sasanian Persia: Between Rome and the Steppes of Eurasia. London and New York: Edinburgh University Press, 2017. 336 pp.
23. Shenkar Michael. The Coronation of the Early Sasanians, Ctesiphon, and the Great Diadem of Paikuli. Journal of Persianate Studies. 2019. Vol. 11. Issue 2. Pp. 113–139.
24. Shirazi Saeed. A Concise History of Iran: From the early period to the present time. Los Angeles: Ketaib Corp., 2018. 355 pp.
25. Weber Ursula. Hormezd II, König der Könige von Ērān und Anērān. Iranica Antiqua. 2016. Vol. 51. Pp. 313–360.

References

1. Averintsev, S. S. (1987). Ot beregov Bosfora do beregov Evfrata: literaturnoe tvorchestvo siriitsev, koptov i romeev v I tysiacheletii n. e. Ot beregov Bosfora do beregov Evfrata., 5-52. M.: Nauka.
2. Kurbatov, G. L. (1991). Rannevizantiiskie portrety: K istorii obshchestvenno-politicheskoi mysli. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta.
3. Mamleeva, L. A. (1999). Stanovlenie Velikogo shelkovogo puti v sisteme transsivilizatsionnogo vzaimodeistviia narodov Evrazii. Vita Antiqua, 2, 53-61.
4. Mel'nik, V. M. (2017). Evoliutsiia mizhnarodno-pravovogo statusu Vatikanu: istoriia, s'ogodennia, ukrayins'ki aktsenti. Vinnitsia: Merk'iuri-Podillia.
5. Mel'nik, V. M. (2018). Smena epokh: ocherk formirovaniia rimsко-vizantiiskoi doktriny mezhdunarodnogo prava (III-VI veka). Annali iuridichnoi istoriyi, Tom 2, 1, 63-108.
6. Pigulevskaia, N. V. (1946). Vizantiiia i Iran na rubezhe VI-VII vv. Trudy Instituta vostokovedeniia. T. XLVI, M. , 291. SSSR.
7. Potemkin, V. P. (2015). Istoriiia diplomati. Tom 1: S drevneishikh vremen do novogo vremeni., 543. M.: Direkt-Media.
8. Ukolova, V. I. (2008). Imperiia kak "smysl" istoricheskogo prostranstva: popytka politologicheskogo analiza, obrashchennaia k proshlomu. Vlast', obshchestvo, individ v srednevekovoi Evrope., 20-34. M.: Nauka.
9. Khizer, P. (2015). Vosstanovlenie Rimskoi imperii. Reformatory Tserkvi i pretendenty na vlast',, 575. M.: Tsentrpoligraf.
10. Burke Inlow Edgar. Shahanshah: A Study of the Monarchy of Iran. Delhi, India: Motilal BanarsiDass, 1979. XXI+280 pp.
11. Dandamaev, M. A., Vogelsang, J., & Brill, E. J. A political history of the Achaemenid empire. Transl. into English by W.. Leiden:, 1989. XV+373 pp.
12. Dickens Mark. Echoes of a Forgotten Presence: Reconstructing the History of the Church of the East in Central Asia. Wien: LitVerlag, 2019. 384 pp.
13. Johandi, A. Mesopotamian Influences on the Old Persian Royal Ideology and Religion: The Example of Achaemenid Royal Inscriptions. Estonian National Defence College Proceedings. 2012. Vol. 16. Pp. 159-179.
14. Lowell, K. Handy Among the Host of Heaven: The Syro-Palestinian Pantheon as Bureaucracy. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 1994. XVIII+218 pp.
15. Hansen Valerie. The Silk Road: A New History. New-York: Oxford University Press, 2012. 320 p.
16. Ernest, E. Herzfeld Iran in the Ancient East. New York, Oxford University Press, 1941. XII+363 pp.
17. Leme Andre Luiz. The biography of Julio Cesar and the risks of the absolute power: Suetonio and the Roman policy in times of Hadrian (II century AD). Aedos-Revista do Corpo Discente do Programa de Pos-Graduacao em Historia da UFRGS. 2017. Vol. 9. Issue 21.
18. Lesaffer Randall. European Legal History: A Cultural and Political Perspective. New-York: Cambridge University Press, 2012. IX+549 pp.
19. Lot, F. Les invasions germaniques. La penetration mutuelle du monde barbare et du monde romain. Paris: Payot, 1945. 334 p.
20. Mauntel, C. The "Emperor of Persia": "Empire" as a Means of Describing and Structuring the World. The Medieval History Journal. 2017. Vol. 20. Issue 2. Pp. 354-384.
21. Dewing, B., & Company, I. Prokopios. The Wars of Justinian. Trans. by H., revised by A. Kaldellis. Hackett Publishing, 2014. 642 p.

22. Sauer Eberhard. Sasanian Persia: Between Rome and the Steppes of Eurasia. London and New York: Edinburgh University Press, 2017. 336 pp.
23. Shenkar Michael. The Coronation of the Early Sasanians, Ctesiphon, and the Great Diadem of Paikuli. *Journal of Persianate Studies*. 2019. Vol. 11. Issue 2. Pp. 113-139.
24. Shirazi Saeed. A Concise History of Iran: From the early period to the present time. Los Angeles: Keta Corp., 2018. 355 pp.
25. Weber Ursula. Hormezd II, Konig der Konige von Eran und Aneran. *Iranica Antiqua*. 2016. Vol. 51. Pp. 313-360.

Информация об авторе

Мельник Виктор Мирославович – канд. полит. наук, главный редактор научного журнала «Анналы юридической истории» (ISSN 2520-2553), ассистент кафедры политологии философского факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев, Украина.

Information about the author

Viktor M. Melnyk – candidate of political sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal “The Annals of Legal History” (ISSN 2520-2553), assistant of the Department of Political Science, Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.